

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 91–97. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 91–97. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09“20”

EDN ZNVSPF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97>

ПУШКИНСКОЕ СЛОВО В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ В.Е. МАКСИМОВА (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти»)

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Шохра Мохаммед, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, med.chohra02@gmail.com

Аннотация. В статье характеризуются пушкинские цитаты, в том числе известные крылатые слова и выражения, в романах известного русского прозаика второй половины XX в. В.Е. Максимова. Целью исследования является филологический анализ особенностей структуры и семантики крылатых единиц, определение своеобразия их функционирования в повествовательном дискурсе. В романе «Заглянуть в бездну» используются пушкинские цитаты из стихотворений «К морю» и «Бесы», в романе «Кочевание до смерти» упоминается цитата Пушкина из романа «Евгений Онегин» и крылатое выражение из «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкинские образные слова в художественном повествовании Максимова являются средством создания авторской иронии, речевых характеристик главного героя и перволичного рассказчика, формируют повествовательную полифонию, обеспечивают интертекстуальное взаимодействие, объединяют разные сюжетные линии романов и обеспечивают структурно-смысловую целостность текстов.

Ключевые слова: В.Е. Максимов, А.С. Пушкин, крылатая единица, пушкинизм, цитата-реминисценция, повествовательный дискурс, ирония, интертекстуальность.

Для цитирования: Фокина М.А., Шохра М. Пушкинское слово в повествовательном дискурсе В.Е. Максимова (по романам «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти») // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 91–97. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97>

Research Article

PUSHKIN'S WORD IN THE NARRATIVE DISCOURSE OF V.E. MAXIMOV (based on the novels “Look into the abyss” and “The nomadism to Death”)

Madina A. Fokina, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, madi.fokina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Shohra Mohammed, graduate student, Kostroma State University, University, Kostroma, Russia, med.chohra02@gmail.com

Annotation. The article characterizes Pushkin's quotes, including famous catch words and expressions, in the novels of the famous Russian prose writer of the second half of the twentieth century, V.E. Maximov. The purpose of the study is a philological analysis of the features of the structure and semantics of winged units, determining the uniqueness of their functioning in narrative discourse. The novel “Look into the Abyss” uses Pushkin's quotes from the poems “To the Sea” and “Demons,” while the novel “The nomadism to Death” mentions Pushkin's quote from the novel “Eugene Onegin” and a catchphrase from “The Tale of the Fisherman and the Fish.” Pushkin's figurative words in Maximov's artistic narration are a means of creating the author's irony, speech characteristics of the main character and the primary narrator, form narrative polyphony, provide intertextual interaction, unite different plot lines of novels and ensure the structural and semantic integrity of texts.

Keywords: V.E. Maximov, A.S. Pushkin, winged unit, Pushkinism, quotation-remembrance, narrative discourse, irony, intertextuality.

For citation: Fokina M.A., Shohra M. Pushkin's word in the narrative discourse of V.E. Maximov (based on the novels “Look into the abyss” and “The nomadism to Death”). Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 91–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-91-97>

Многогранное творчество А.С. Пушкина, основоположника современного русского литературного языка, является мощным источником обогащения лексико-фразеологического состава. Многие пушкинские цитаты вошли в фонд крылатых единиц и активно употребляются в художественной и публицистической речи. К характерным чертам крылатых единиц (крылатизмов) относятся афористичность, глубина сообщаемой ими мысли, особая выразительность, свежесть и образность [Берков, Беркова: 10]. Крылатые единицы по структуре подразделяются на крылатые слова, крылатые выражения и крылатые фразы.

Изучению пушкинизмов – пушкинских крылатизмов – посвящено обширное количество исследований отечественных филологов. В 1999 г., к 200-летию русского гения, было подготовлено уникальное лексикографическое издание: «Словарь крылатых выражений Пушкина», составленный петербургскими учеными В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко (1999). Значительное число пушкинских крылатых единиц отражено в «Большом словаре крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2005): *Без божества, без вдохновения; Богат и славен Кочубей; Брожу ли я вдоль улиц шумных, / Вхожу ль во многолюдный храм; Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей; властитель дум; даль свободного романа; Друзья мои, прекрасен наш союз; души прекрасные порывы; Здравствуй, племя младое, незнакомое!; Над вымыслом слезами обольюсь; Но я другому отдана; / Я буду век ему верна; Печаль моя светла; сквозь магический кристалл; с ученым видом знатока; Чем меньше женщину мы любим, / тем легче нравимся мы ей; Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать* и др. [Берков 2005].

Разноаспектный анализ пушкинских крылатых единиц представлен в научных публикациях Л.П. Дядечко [Дядечко 1999; 2002; 2007]; В.М. Мокиенко [Мокиенко]; К.П. Сидоренко [Сидоренко]; С.Г. Шулежковой [Шулежкова] и др. Пушкинские цитаты-реминисценции, интертекстуальные взаимодействия произведений Пушкина с текстами русских писателей XIX–XX вв. рассматриваются в исследованиях В.П. Григорьева [Григорьев]; Т.Б. Зайцевой [Зайцева]; И.В. Петровой [Петрова]; И.М. Поповой [Попова]; В.Ю. Прокофьевой [Прокофьева]; Г.С. Струговой [Стругова]; И.А. Сухановой [Суханова]; И.А. Тарасовой [Тарасова]; Н.А. Фатеевой [Фатеева]; Г.Ю. Филипповского [Филипповский] и др.

Пушкинские цитаты получили широкое распространение в публицистическом и художественном дискурсах XX–XXI вв. Отсылки к произведениям А.С. Пушкина находим в повествовательных произведениях В.Е. Максимова, известного прозаика вто-

рой половины XX в. Изучению функций интертекста в прозе Максимова посвящена научная статья И.И. Поповой [Попова]. На материале романа «Прощание из ниоткуда» исследователь описывает точные и варьированные цитаты из произведений авторов разных эпох и различных жанров: А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, библейских текстов, философских сочинений и др. И.И. Попова отмечает, что обращение Максимова к пушкинскому слову формирует и комические, и трагические интонации художественного повествования: «Несоответствие торжественных пушкинских строк о роли поэта, его высоким предназначении рифмовкам героя романа создает комический эффект. Пушкинский интертекст помогает выразить и драматическое, трагическое в жизни героев, так как повторяющиеся строки «любовь к родному пепелищу» формируют в романе Максимова сквозной мотив отчего дома, покинутого и брошенного» [Попова: 459]. Характерной чертой прозы Максимова, по мнению учёного, является «усиленное обращение к сверхтекстовым связям, которые взаимодействуют и с концептуальным полем художественного текста, и с внутренней пространственно-временной, и с субъектной структурой произведения» [Попова: 460].

В романе Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» используются пушкинизмы разной структуры: 1) крылатое выражение *властители дум*; 2) цитаты-фразы *Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный; сколько вас, куда вас гонят*.

Генитивная метафора *властители дум* обычно употребляется в книжной речи, имеет значение «о великих людях, деятельность которых оказывает сильное влияние на духовную жизнь общества, на умы современников» [Берков: 80]. Крылатое выражение восходит к пушкинскому стихотворению «К морю», где поэт упоминает Наполеона и Байрона. А в романе Максимова с помощью пушкинизма иронически характеризуются русские писатели начала XX века: «Помнится, в те годы, как почти все девушки её возраста, она увлекалась сочинениями российских *«властителей дум»*. Читала запоем, всё подряд, без разбору, безвольно втягиваясь в засасывающий омут их словесного самоистязания. Но со временем, исподволь, в ней нарастало чувство сопротивления, протеста как раз вот этому самому их кокетливому мазохизму. Каким-то подсознательным чутьем она улавливала, что в... этом мазохизме... таится некая неподвластная самим авторам, но разрушительная в своей потенции ложь. В чем это выражалось, ей едва ли удалось бы определить в словах, но фальшь прочитанного в конце концов стала ощущаться ею почти физически» [Максимов: 233].

Фрагмент третьеличного повествования включает вкрапления несобственно-прямой речи героини,

Анны Тимирёвой, любимой женщины адмирала Колчака. Она вспоминает свою юность, увлечение чтением. Крылатое выражение *властители дум* употребляется во множественном числе, так как характеризует нескольких писателей, и заключается в кавычки, что придает пушкинизму семантическую двойственность: с одной стороны, пунктуационное выделение указывает на цитату; с другой стороны, крылатое выражение приобретает противоположный, иронический смысл. Юная читательница, очарованная сочинениями российских писателей, постепенно ощущает в их произведениях *неподвластную, разрушительную ложь, фальшь*. Это внутреннее противоречие раскрывается далее в последующем повествовании, где автор характеризует конкретных писателей, не называя их имён, но по ярким деталям описания читатель легко догадывается, о ком говорится в тексте: «Один, к примеру (с гениальной, впрочем, убедительностью!), звал человечество вернуться к собственному естеству, к природе, прочь от разлагающей душу и тело цивилизации, но ей-то доподлинно было известно, что сам пророк без этой цивилизации шагу не мог ступить, строго соблюдал свой помещичий интерес, а для его прославленного во всех мыслимых языках вегетарианского стола в доме держали специального повара, а от не менее прославленной крестьянской поддёвки на нем неизменно исходил едва уловимый запах “Коти”».

Герои другого, живущие в тоске по честному труду и мечтой о времени, когда небо непременно должно обрасти алмазами, почему-то всегда окружены толпой услуживающей их челяди, которую они, без разбора пола и возраста, во всеуслышание «тыкают», заполняя тома волшебных по тонкости и мастерству повестей, рассказов и пьес пустопорожними разговорами о «золотом веке», долженствующем, по их мнению, наступить вот-вот, по крайней мере не позже следующего понедельника.

Третий же и вовсе от книги в книгу тянул однообразный маскарад из философствующих во хмелю или после оного провинциальных купцов, реющих буревестников и благородных цыган с вырванными для осветительных целей сердцами, но при всем своем свободолобии не стеснялся высокомерно облаивать всякого, кто хотя бы робко пытался возражать его расхожим пошлостям» [Максимов: 233–234].

Авторская ирония проявляется в противоречивости характеристик Льва Толстого, А.П. Чехова и Максима Горького, которые были для читающей молодежи начала XX в. непререкаемыми авторитетами в мире литературы. Повествователь отмечает их позитивные стороны, художественный талант: *с гениальной убедительностью* (о Толстом); *тома волшебных по тонкости и мастерству повестей* (о Чехове). Но в то же время замечает несоот-

ветствие высоких идей, провозглашенных в книгах, реальной жизни писателей или расхождение убеждений, слов героев с их поступками: *звал человечество вернуться к собственному естеству, к природе, прочь от разлагающей душу и тело цивилизации, но... сам пророк без этой цивилизации шагу не мог ступить, строго соблюдал свой помещичий интерес; крестьянская поддёвка – запах «Коти»* (о Толстом); *герои, живущие в тоске по честному труду... почему-то всегда окружены толпой услуживающей их челяди; пустопорожние разговоры о «золотом веке»* (о героях Чехова); *при всем своем свободолобии не стеснялся высокомерно облаивать всякого, кто хотя бы робко пытался возражать его расхожим пошлостям* (о Горьком). Прием создания иронии является также широкое использование различных интертекстуальных элементов. Текстовая семантика пушкинизма *властители дум* раскрывается в смысловом взаимодействии с крылатизмами Чехова и Горького: *небо непременно должно обрасти алмазами; буревестник*. Фраза Владимира Максимова *небо непременно должно обрасти алмазами* является индивидуально-авторской трансформацией чеховского крылатого выражения *небо в алмазах* из пьесы «Дядя Ваня», которое символизирует светлую мечту о лучшей жизни. Контекстуальным синонимом этого образного выражения становится крылатизм *золотой век*, восходящий к античной литературе: «о самом лучшем, счастливом периоде чьей-либо жизни; о времени наивысшего расцвета науки и культуры в истории какого-либо народа, страны» [Берков: 188]. Крылатое слово *буревестник* восходит к названию «Песни о Буревестнике» Максима Горького, имеет несколько значений: «символ приближающейся революции; о революционерах, пламенных борцах за что-либо; о Максиме Горьком» (*буревестник революции*) [Берков: 58]. Ещё одним выразительным приемом создания иронии является перифрастическая характеристика Данко, бесстрашного и самоотверженного героя произведения Максима Горького «Старуха Изергиль»: *благородных цыган с вырванными для осветительных целей сердцами*. Здесь форма единственного числа заменяется множественным: *цыган, сердцами*. Синекдоха усиливает авторский сарказм, стилистически снижает образную характеристику героя. Горящее сердце Данко представлено как заурядное световое устройство: *для осветительных целей*.

Пушкинские цитаты, являющиеся фразами, употребляются в прямой и внутренней речи главного героя романа, адмирала Колчака, провозгласившего себя Верховным правителем России в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Колчак негативно отзывался о политических и военных событиях, о бездарных, но амбициозных людях в его

окружении. Предчувствуя свое поражение, он крайне жесток и беспощаден к врагам: «С каждым днем Адмирал становился раздражительнее и угрюмей. Всякая мелочь, любой пустяк, пошлая сплетня оборачивались для окружающих бурными сценами или молчаливым бешенством, что было еще неприятнее. С министрами он вообще теперь разговаривал, как с опостылевшей дворней: “Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем или они нас. Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне. Если я сниму военное положение, вас немедленно переарестуют большевики и эсеры, или ваши члены Экономического совещания, или ваши же губернаторы”».

Частые смены его настроений смягчали только деникинские успехи на Юге, но и этого ему стало доставать ненадолго: ноша заметно стала перевешивать его силы. Теперь, отпуская очередного докладчика, Адмирал просил Удальцова остаться, чтобы в очередной раз излиться перед ним в приступе внезапной откровенности: “Прав был, тысячу раз прав был наш Пушкин, когда учил нас в «Капитанской дочке»: *«Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!»*. Впрочем, – мрачновато усмехался он, – другие не умнее и не добрей, разве что короче...”» [Максимов: 258–259].

Пушкинская фраза саркастически характеризует социальные потрясения в России. Адмирал Колчак сравнивает русскую революцию и гражданскую войну с историческими событиями зарубежных государств: *другие не умнее и не добрей, разве что короче*. Проявляя жестокость и непримиримость к врагам, он ищет оправданий, ссылаясь на известные сражения в Европе: *Так было в Англии во время войны Алой и Белой розы, так неминуемо должно быть и у нас, и во всякой гражданской войне*. Война Алой и Белой розы была гражданской войной за власть, произошла в Англии в XV веке, победу одержал Генрих Тюдор. Длительные кровопролитные сражения унесли множество жизней, привели народ к бедствиям и разрушениям. Историческая параллель гражданской войны в России с давними военными событиями в Англии помогает наглядно представить масштаб и драматизм сложной социальной ситуации, которую характеризует Колчак, ссылаясь на авторитет Пушкина: *русский бунт, бессмысленный и беспощадный*. Он уже понимает неизбежность своего поражения и обреченность всего белогвардейского движения, несмотря на временные успехи Деникина. Пушкинская цитата напоминает о событиях крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачёва и побуждает героя к философскому пониманию необратимости естественного хода истории, неизбеж-

ности столкновений различных интересов и обстоятельств, приводящих к трагическим потерям.

Во время встречи с Николаем Устряловым, бывшим приват-доцентом Московского университета, служащим в бюро печати правительства Колчака, адмирал испытывает неприязнь к своему собеседнику и дает ему саркастическую характеристику: «Что-то в этом человеке сразу же насторожило Адмирала. Во всём его облике, в тоне, в манере держаться чувствовалась затаенная уверенность в чем-то таком, что недоступно пониманию многих, если не всех остальных смертных, и чем он не спешил поделиться с ближними.

«Ещё один мессия, – досадливо поморщился про себя Адмирал, – *сколько вас, куда вас гонят!*» [Максимов: 280].

Во внутренней речи Колчака используется преобразованная пушкинская цитата *сколько вас, куда вас гонят*. У Пушкина в оригинале: *Сколько их! Куда их гонят?* («Бесы»). Осуществляется замена местоимения 3-го лица *их* на местоимение 2-го лица *вас*: Колчак негативно думает о своем собеседнике, находясь рядом, мысленно обращается к нему и с иронией оценивает его и ему подобных, используя форму множественного числа.

В романе широко представлено бесовское, дьявольское начало, в том числе прослеживаются смысловые ассоциации с романом Ф.М. Достоевского «Бесы»: *легкомысленный флирт с дьяволом* (о представителях иностранной интервенции, вошедших в сговор с большевиками); *накал поистине дьявольской страсти* (о политических речах Ленина); *дьявольский лабиринт; на поток и растерзание разнужданной бесовщине; торжествующий хохот Сатаны* (о социальных потрясениях).

В романе «Кочевание до смерти» находим пушкинские цитаты из «Евгения Онегина» и из «Сказки о рыбаке и рыбке». Эти пушкинизмы используются в монологическом слове перволичного рассказчика, русского писателя в эмиграции. Он описывает свои взаимоотношения с женщиной: «Мы сошлись с ней где-то в эмигрантской компании. Сошлись в хмельном угаре без объяснений и обязательств. Я на следующий день стёр её из своей памяти, мало ли их у меня перебивало! Но она вскоре нашла меня, стала появляться, просиживать у меня иногда целыми днями, таскаться за мной по кафе и забегаловкам, пока мне всё это смертельно не надоело. Я органически не выношу никакого постоянства, что я ей в конце концов и высказал в лучших пушкинских традициях: *мол, я не создан для блаженства, ему чужда душа моя* и далее в том же духе, со всеми остановками. Она выслушала меня так же безропотно, как *Татьяна – Онегина*, согласно покивала, стряхивая слёзы с подкрашенных ресниц, послушно ушла затем,

но звонить не перестала, прорываясь ко мне при каждом удобном случае» [Максимов: 556–557].

Человек творческой профессии, внутренне раскрепощенный, независимый герой Максимова не желает связывать себя серьезными отношениями с женщиной, которая искренне к нему привязалась. Объяснение с возлюбленной иронически характеризуется с помощью пушкинской цитаты: *я не создан для блаженства, ему чужда душа моя*. Это фраза из ответа Онегина на письмо Татьяны. В тексте романа Максимова упоминаются также имена главных героев произведения Пушкина, что усиливает иронию и создает пародийность описываемой ситуации любовного объяснения.

Писатель характеризует русскоязычных эмигрантов, создает их колоритные речевые портреты. Описывает владыку Николая, которого обвиняют в антисемитизме. Бывший митрополит недружелюбно отзывается о евреях: «Так и у всех у них, на словах братство и равенство, а на уме одно – власть. И только ли в России? Испанию вспомните, клочка земли ими не купленной уже не осталось, правительство в руках держали... То же и в Германии после первой войны, всем овладели: банками, прессой, культурой, нет, большего захотелось... Вот и *остаются*, как та пушкинская старуха, всегда у разбитого корыта, а в зеркало посмотреть не хотят, всё виновных ищут» [Максимов: 643].

Фразеологизм у *разбитого корыта* (оказаться, очутиться) означает 'ни с чем, потеряв всё приобретенное' [ФСРЛЯ 1: 322]. Пушкинизм является негативной характеристикой корыстолюбивых людей, использующих свою власть для бесконечного обогащения, но в порыве жадности теряющих полученные блага.

В романах Владимира Максимова «Заглянуть в бездну» и «Кочевание до смерти» ярко используются различные пушкинизмы для сатирического описания героев и событий, они являются оригинальным средством создания иронии, сарказма, пародии. Активное употребление крылатых слов, выражений и цитат великого гения в повествовательном дискурсе известного прозаика свидетельствует о том, что пушкинское слово продолжает жить в художественной речи русских писателей.

Список литературы

Источники

Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.

Максимов В.Е. Избранное. Москва: Терра, 1994. 736 с.

Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ: Фолио-пресс, 1999. 748 с.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. Москва: Цитадель, 1997.

Исследования

Берков В.П., Беркова О.В. О крылатых словах // Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Москва: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. С. 3–15.

Григорьев В.П. Хлебников и Пушкин // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. Москва: СпортАкадемПресс, 1999. С. 50–64.

Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: монография. Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. 294 с.

Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учеб. пособие. Киев: ООО «Изд. дом Аванпост-прим», 2007. 336 с.

Дядечко Л.П. Пушкинские крылатые выражения (материалы к словарю) // Материалы Пушкинской науч. конф. (к 200-летию А.С. Пушкина). Киев: ИПЦ «Киевский университет», 1999. С. 151–155.

Зайцева Т.Б. Повесть А.П. Чехова «Черный монах» в контексте «золотого века» русской литературы // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003.

Мокиенко В.М. Пушкинская золотая рыбка: до и после Пушкина // Пушкин: альманах / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2002. Вып. 3. С. 3–15.

Петрова И.В. Текст и интертекст в поэтическом мире Ф.И. Тютчева // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 151–159.

Попова И.М. Функции интертекста в прозе Владимира Максимова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 458–462.

Прокофьева В.Ю. Петербург: от реального пространства к поэтической интертекстуальности // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 217–221.

Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 253 с.

Стругова Г.С. О заглавиях поэтических текстов М. Цветаевой (в аспекте теории интертекста) // Ин-

тертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сб. докладов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С.Г. Шулержкова. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 205–207.

Суханова И.А. Интертекстуальные связи романа В. Орлова «Альтист Данилов» // Язык русской литературы XX века: сб. ст. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2001. С. 215–245.

Тарасова И.А. «Каждый бы подумал, как подумал Пушкин»: когнитивные механизмы интертекстуальности // Художественный текст как динамическая система: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, 19–22 мая 2005 г.). Москва: Управление технологиями, 2006. С. 95–103.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд. Москва: КомКнига, 2007. 280 с.

Филипповский Г.Ю. А.С. Пушкин: поэтика «отзывчивости»: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. 291 с.

Шулержкова С.Г. Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 24. С. 62–72.

References

Berkov V.P., Berkova O.V. *O krylatykh slovakh* [About winged words]. Berkov V.P. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Large dictionary of popular words of the Russian language], V.P. Berkov, V.M. Mokiyeenko, S.G. Shulezhkova. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., Russkiye slovari Publ., 2005, pp. 3-15. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *Krylatyye slova kak ob'yekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as an object of linguistic description: history and modernity]. Kiyev, IPTS Kiyevskiy universitet Publ., 2002, 294 p. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *“Krylatyy slova zvuk”, ili Russkaya eptologiya* [“The winged sound of words”, or Russian Eptology]. Kiyev, Avanpost-prim Publ., 2007, 336 p. (In Russ.)

Dyadechko L.P. *Pushkinskiye krylatyye vyrazheniya (materialy k slovaryu)* [Pushkin's winged expressions (materials for the dictionary)]. *Materialy Pushkinskoy nauchnoy konferentsii*. Kiyev, IPTS Kiyevskiy universitet Publ., 1999, pp. 151-155. (In Russ.)

Fateyeva N.A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the world of texts: Counterpoint to intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 280 p. (In Russ.)

Filippovskiy G.Yu. *A.S. Pushkin: poetika “otzyvchivosti”* [A.S. Pushkin: poetics of “responsiveness”]. Yaroslavl', RIO YAGPU Publ., 2022, 291 p. (In Russ.)

Grigor'yev V.P. *Khlebnikov i Pushkin* [Khlebnikov i Pushkin]. *Struktura i semantika khudozhestvennogo teksta: doklady VII mezhdunar. konf.* [Structure and semantics of literary text: reports of the VII international conference]. Moscow, SportAkademPress Publ., 1999, pp. 50-64. (In Russ.)

Mokiyeenko V.M. *Pushkinskaya zolotaya rybka: do i posle Pushkina*. [Pushkin's goldfish: before and after Pushkin]. *Pushkin: al'manakh* [Al'manakh], ed. by S.G. Shulezhkovoy. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2002, vol. 3, pp. 3-15. (In Russ.)

Petrova I.V. *Tekst i intertekst v poeticheskom mire F.I. Tyutcheva* [Text and intertext in the poetic world of F.I. Tyutchev]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 151-159. (In Russ.)

Popova I.M. *Funksii interteksta v proze Vladimira Maksimova* [Functions of intertext in the prose of Vladimir Maksimov]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 458-462. (In Russ.)

Prokof'yeva V.Yu. *Peterburg: ot real'nogo prostranstva k poeticheskoy intertekstual'nosti* [Petersburg: from real space to poetic intertextuality]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 217-221. (In Russ.)

Sidorenko K.P. *Intertekstovyye svyazi pushkinskogo slova* [Intertextual connections of Pushkin's word]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 1999, 253 p. (In Russ.)

Shulezhkova S.G. *Leksikograficheskoye opisaniye krylatykh yedinits: problemy i perspektivy* [Lexicographic description of winged units: problems and prospects]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Filology, Culture], 2009, No. 24, pp. 62-72. (In Russ.)

Strugova G.S. *O zaglaviyakh poeticheskikh tekstov M.Tsvetaevoy (v aspekte teorii interteksta)* [On the titles of M. Tsvetaeva's poetic texts (in the aspect of intertext theory)]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskoy diskurse* [Intertext in artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003, pp. 205-207. (In Russ.)

Sukhanova I.A. *Intertekstual'nyye svyazi romana V. Orlova “Al'tist Danilov”* [Intertextual connections of V. Orlov's novel “Violist Danilov”]. *Yazyk russkoy literatury 20 veka: sb. st.* [Language of Russian Literature: anthologies of articles]. Yaroslavl', YAGPU im. K.D. Ushinskogo Publ., 2001, pp. 215-245. (In Russ.)

Tarasova I.A. *“Kazhdyy by podumal, kak podumal Pushkin”: kognitivnyye mekhanizmy intertekstual'nosti* [“Everyone would think as Pushkin thought”: cog-

nitive mechanisms of intertextuality]. *Khudozhestvennyy tekst kak dinamicheskaya sistema* [Fiction text as art system]. Moscow, Upravleniye tekhnologiyami Publ., 2006, pp. 95-103. (In Russ.)

Zaytseva T.B. *Povest' A.P. Chekhova «Chernyy monakh» v kontekste «zolotogo veka» russkoy literatury* [Chekhov's story "The Black Monk" in the context of the "golden age" of Russian literature]. *Intertekst v khudozhestvennom i publitsisticheskom diskurse* [Intertext in

artistic and journalistic discourse]. Magnitogorsk, MaGU Publ., 2003. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 13.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.